

ФІЛОСОФІЯ

УДК 122/129+316.1

А.В. Белокобыльский

Донецкий национальный технический университет, Украина

РЕАЛЬНОСТЬ. ЕЕ СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА

В статье утверждается фундаментальный статус социальной деятельности человека в процессах формирования реальности. В частности обосновывается тезис о невозможности реальности вне социальной идентификации субъекта. Изучаются онтологические трансформации, связанные с виртуализацией социальной реальности в XXI веке.

Понятие реальности является одним из самых противоречивых в современном философском дискурсе. Трудно указать какую-либо иную категорию (а «реальность», бесспорно, относится к разряду фундаментальных понятий), которая столь же беззастенчиво привлекалась учеными для обозначения абсолютно противоположных аспектов существующего. Прекрасной иллюстрацией к сказанному является контрольная студента-заочника, сосредотачивающегося на проблеме соцреализма в искусстве, но уверенного при этом, что он раскрывает тему «Средневековый спор об универсалиях. Реализм». Удивительным образом философская апелляция к очевидному может подразумевать как материальный субстрат, так и его идеальную форму. Если (хотя бы ввиду тактических соображений) в начале статьи попытаться избежать обращения к фундаментальной философской проблематике – вопросу о том, что же «реально» (в смысле «что же существует на самом деле», «что первично» и т.д.), не одна тысяча лет – следует указать на еще один, не менее важный аспект проблемы. Игнорирование философской тематизации реальности не оберегает современных философов от философски поспешных умозаключений в пользу натуралистической интерпретации реальности и следующих из этой псевдофилософской уверенности действий. В XX веке сначала Э. Гуссерль, а затем М. Хайдеггер указывали на зависимость научного освоения (порабощения) природы от специфического восприятия реальности, того, сформированного модерном ее образа, который был назван «картиной мира». В некотором смысле большинство глобальных проблем современности (экологических, антропологических, биоэтических и т.д.) можно считать следствием натуралистической интерпретации реальности.

Несмотря на долгую историю споров вокруг того, что же следует считать реально существующим (последнее во времени «обострение» проблемы связано с усилиями во второй половине XX века философов-аналитиков «доочистить» язык науки от метафизических терминов) [1, с. 325-341], [2, с. 232-243], [3] и предпринятые исторические экскурсии, проливающие свет на траектории формирования современного состояния дискурса о реальности [4], [5], проблема только обостряется. Более того, несмотря на критическое состояние аксиологических и телеологических регионов техногенной парадигмы, прагматическая успешность науки ослепляет философскую рефлексию настолько, что мы склонны под структурой реальности понимать физическую иерархию манифестаций материи (что-то вроде ряда «молекула – атом – субатомные частицы»), не замечая социальной нагруженности самого научного знания. Итак, что же реально существует и что значит, что нечто реально существует (какой смысл мы вкладываем в эти слова)?

Новейший этап спора об объективном образе реальности связан с последним анти-метафизическим походом, предпринятым позитивистски настроенными учеными (логиками, математиками, физиками, философами), в результате которого сформировалась традиция аналитической философии. Для элиминации пустых понятий из научного языка Бертраном Расселом была предложена теория дескрипций, на основе которой В. Куайн сформулировал ставшее классическим определение: «Существовать – быть значением связанной переменной». В концепции Рассела – Куайна «бремя референции к объекту» ложится на логические кванторы, которые передаются словами «некоторый», «ничто», «все», «каждый» и т.д. Тем самым «платоновская» проблема онтологической референции общих или пустых понятий, на первый взгляд, низводится до уровня языковой проблемы. Куайн, в частности, замечает: «Мы смотрим на связанные переменные в связи с онтологией не для того, чтобы знать, что есть, а для того, чтобы знать, что есть *согласно* данному замечанию или доктрине, нашей собственной или чьей-то еще; это, строго говоря, проблема языка» [1, с. 29]. Однако далее следует важное дополнение: «А что именно есть – другой вопрос» [1, с. 29]. Действительно, путь, предложенный Расселом и Куайном («быть признанной сущностью значит не что иное, как считаться значением (*value*) переменной» [1, с. 32]), позволяя демаркировать онтологически релевантные высказывания, абсолютно не затрагивает проблему выбора онтологии: «Когда мы говорим, что есть простые числа больше миллиона, мы обязываем себя принимать онтологию, содержащую числа; когда мы говорим, что есть кентавры, мы обязываем себя принимать онтологию, содержащую кентавров...» [1, с. 34]. Выбор же онтологии, по отношению к которой онтологически релевантное понятие релятивизируется, опирается, с точки зрения Куайна, на прагматические соображения: «То, как мы принимаем онтологию, я думаю, в принципе подобно тому, как мы принимаем научную теорию – скажем, систему физики: мы допускаем, по крайней мере до тех пор, пока остаемся разумными существами, простейшую концептуальную схему, в которой можно согласовать и организовать разрозненные фрагменты неоформленного опыта» [1, с. 38]. Исходя из подобных взглядов, под реальностью следует понимать систему прагматически оправданных предположений, позволяющих идентифицировать внешние объекты в качестве представителей легитимных совокупностей (онтологий или классов).

Несмотря на стройность и функциональность куайновской теории, она вызывает и некоторые сомнения. Мы сталкиваемся с реальностью, которая представляется нам единственно возможной, научные теории (которые мы действительно можем выбирать сознательно) являются только одним из регионов нашего жизненного мира, а момент «выбора» самой реальности человеку не только не известен, но находится за гранью возможного в представлении. При всей теоретической вариативности реальности ее образ настолько однозначен и безальтернативен для нас, что его можно сравнить с мифом. Действительно, миф для его адептов выступает предельной реальностью, при том, что внешний наблюдатель убежден в искусственности и искаженности мифологического взгляда на мир. В нашем же случае мы выступаем одновременно и наблюдателями, и действующими лицами: с одной стороны мы понимаем, что наши знания не абсолютны (реальность богаче ее образа) и возможны альтернативные интерпретации (увидев мир в ином спектре или воспринимая ультразвук), с другой стороны – понимаем, что наши знания всего лишь достраивают вариативную часть того инварианта, который, собственно, и зовется реальностью. Интересно в этой связи обратиться к последнему произведению Людвиг Витгенштейна «О достоверности», в котором он прямо сравнивает наш образ мира с мифологией. Мифология же не выбирается. Более того, никакие специальные знания, предполагающие момент выбора для «вхождения» в реальность не нужны: «Предложения, описывающие эту картину мира, могли бы входить в своего рода

мифологию. А их роль подобна роли правил игры; игру же можно освоить чисто практически, не зазубривая никаких эксплицитных правил» (95). Но именно эти «правила игры» составляют основу практической жизни. Витгенштейн настаивает на том, что они составляют «ось», вокруг которой вращается деятельность человека (152). Эмпирические факты (та самая куайновская квантификация, т.е. признание элементов реальности существующими) Витгенштейн сравнивает с потоком воды, движущимся по руслу «осевых знаний»: «Мифология может снова прийти в состояние непрерывного изменения, русло, по которому текут мысли, может смещаться. Но я различаю движение воды по руслу и изменение самого русла; хотя одно от другого и не отделено сколько-нибудь резко» (97). Впрочем, признать «правила игры» знаниями было бы ошибкой. Здесь более уместна апелляция к вере (179), которая, благодаря своей предельности (248), связана с решимостью отстаивать свои убеждения (362). В сфере предельных убеждений невозможен не только выбор, но и дискуссии (можно даже предположить, что в этом экзистенциальном поле утрачивает действенность императив «идеальной коммуникации», который был положен в основу прагматико-этической метафизики Апеля и Хабермаса), говоря словами Витгенштейна: «Где действительно сталкиваются два непримиримых принципа, там каждый объявит другого глупцом и еретиком» (611).

Именно готовность действовать в виду своих предельных убеждений вводит нас в «мифологию» реальности – прорезанный «руслами течения мыслей» онтологический ландшафт, где только и становятся возможными эмпирические предложения, фиксирующие физические факты. Кроме того, наша готовность действовать определенным образом (и именно ввиду социально транслируемой «мифологии») объединяет нас со всеми нам подобными в социальную группу. Собственно общее отстаивание собственных убеждений (которые разделяются всеми участниками группы), помноженное на решимость действовать, и представляет собой ядро социальной идентичности. *Утверждая безальтернативность реальности, мы отстаиваем собственную идентичность и потому бескомпромиссны.*

Из сказанного следует интересный вывод. Выходит, что мы вместе с коллективом, к которому присоединяемся в процессе первичной социализации, воспитания, *знаем, что может существовать*, и уже затем идентифицируем элементы опыта как определенную часть существующего. Физические факты составляют важную, но периферическую часть реальности, которая складывается из социально значимых знаний-убеждений и связанных с ними навыков (в том числе и может быть в первую очередь языковых). Только в этом пространстве, решительно утверждая собственную идентичность, мы перформативно принимаем ответственность за определенный порядок бытия (связанный с типом населяющих его сущностей, закономерностей, пространственно-временных измерений, типом историчности и судьбой). От наших доопытных убеждений зависит, идентифицируем ли мы гору в качестве геологического образования или обители богов. В глубинном смысле, о котором когда-то писал гениальный Томас Манн, мы (как персонификация коллективного субъекта социального действия, закрепляющего *объективность* определенного облика реальности) являемся не только конкретными индивидами – мы есть *наш космос* в той же мере, в какой *мы есть* нация, класс или человечество вообще.

Следует пересмотреть иерархическую структуру уровней реальности, предложенную Дж. Серлем. В книге «Конструирование социальной реальности» он указывает на фундаментальное значение физических (в формулировке Серля «грубых») фактов, на которые затем надстраиваются социальные факты. В свете вышеизложенного необходимо указать на первостепенное значение именно социальной составляющей реальности, которая выступает своеобразной формой для эмпирического материала. Необходимо также подчеркнуть, что в данном случае речь идет не столько об «оформлении», сколько о созидании:

физическая часть вне социального пространства реальностью не является. *Результирующая совместного утверждения предельных убеждений, составляющих основу нашей идентичности, проявляющаяся всегда только частично, и есть реальность.*

Очень важно указать на практические следствия сформулированных положений. В частности из сказанного следует невозможность восприятия реальности вне социальной идентификации субъекта восприятия. Идентификация же предполагает предельную убежденность (веру) в определенном порядке существующего, своеобразного «вместилища» конкретного опыта. Без подобных убеждений и решимости действовать на их основе, причем в критических случаях рискуя здоровьем и жизнью (отстаивая собственную идентичность), физические факты не существуют (отсутствуют в реальности). Это положение необходимо учитывать при конструировании систем искусственного интеллекта, в частности связанных с распознаванием образов реальности. Когнитивная деятельность должна подчиняться практическим установкам, императивам, ценностям.

Следует также обратить внимание на особенность нашей сегодняшней ситуации, которая заключается – помимо бесконечности трансформаций реальности – в реальной трансформации бесконечности. Стоило бы обратить внимание и на те «звоночки», которые приходят из нового измерения и без того огромного мира, в котором мы обитаем: например, на звонок мобильного телефона, оповестившего Хилари Клинтон о смерти врага Америки № 00х – Муамара Каддафи. Есть подозрение, что во времена, когда президенты, госсекретари, министры (в том числе и «силовые»), телевидение, газеты, а значит, и каждый из нас находятся на равном – скорости интернета, умноженная на быстродействие компьютера – расстоянии от событий, утверждение о важности (ценности) информации катастрофически устаревает: речь должна идти об аксиологической фундаментальности информации, превратившейся в нечто «по ту сторону» ценностей. Дело не только и не столько в том, что случаи, подобные сообщению вести о победе под Марафоном (благодаря чему имеем марафонские забеги)¹ или биржевым играм Ротшильда после победы англичан при Ватерлоо², все более редки. Главное – в доступности информации, оборачивающейся мгновенной мобилизацией сотен тысяч, но, что еще важнее, обыденности знания об этой доступности, уже сейчас перечеркивающей возможности еще недавно эффективных спекуляций и открывающих возможности спекуляций несравненно более масштабных: глобальные паники³ и (возможно!) массовые волнения⁴ последних лет тому свидетельство. Если технологии ближайшего будущего сделают интернет не только мобильным, но и в большей, нежели сейчас, степени неконтролируемым, социальные интуиции человека не только обновятся (что уже произошло), но и закрепятся на уровне инстинктов: тотальность полубожественного присутствия *везде* станет элементом повседневной жизни.

Мир расширяется в направлении нового горизонта, ранее отсутствовавшего и не совпадающего ни с горизонтом физических объектов, ни с психическим измерением реальности. Даже виртуальная реальность компьютерных симуляций вписывалась в концепцию трех миров К.Р. Поппера (в качестве одного из регионов «мира 3» – мира объективного знания). Сегодня же мы сталкиваемся с реальностью, которая онтологически не сводится ни к физическому, ни к психическому измерениям, не обладает свойствами внесубъект-

---

¹ Согласно легенде, посланец афинян Фидиппид, стремясь быстрее донести весть, пробежал расстояние в 42 км и, сообщив о победе, упал замертво.

² Получив по семейным каналам новость о победе Виллингтона в битве при Ватерлоо за сутки до правительственного сообщения, Натан Ротшильд, в результате биржевых спекуляций, получил контроль над британским рынком облигаций.

³ Например, после объявлений об эпидемических угрозах.

⁴ Типа «арабских революций» или очень близких к ним по типу лондонских волнений, объявленных погромами.

ного знания, но при этом является одним из факторов формирования обыденности – глобальным пространством мобильной интернет-коммуникации. Объективно закреплённая в нашем опыте, но при этом онтологически отличная от материального, психического и эпистемологического регионов существующего, *информационная гиперреальность* расширяет горизонт сущего.

Пространство информационной гиперреальности предоставляет возможность для не существовавших ранее социальных идентификаций и тем самым формирует новые идентичности. В известном смысле индивид – это уникальное сплетение идентичностей. Следовательно, индивид эпохи информационного расширения реальности – это новый индивид.

Человек эпохи социальных сетей и мобильного интернета – это человек в расширенной на одно измерение реальности и человек с дополнительным измерением себя. Мы слишком обедняем открывающиеся возможности трансформаций религиозного мира, когда говорим только о сайтах конфессий, виртуальных церквях и возможности интернет-исповеди. Куда важнее осознать, что наряду с внешним макрокосмом, внутренним микрокосмом и символическими универсумами знания появляется новая область воплощения религиозных архетипов: информационная реальность. И если раньше материальные твердыни храмов соперничали с духовным совершенством подвига веры и интеллектуальной утонченностью догматических трактатов, то сегодня рядом с признанными свидетельствами религиозности и устремленности к небесам могут появиться ранее не известные – подобие божественного всеприсутствия, потенциального всезнания и невиданной ранее освобожденности от любых внешних структур. Освобожденности, впрочем, не как синонима свободы, а при определенных обстоятельствах, заметим, ее прямой противоположности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куайн Уиллард Ван Орман. Слово и объект / Куайн Уиллард Ван Орман ; [пер. с англ.]. – М. : Логос, Праксис, 2002.
2. Strawson Peter F. Entify and Identity and other Essays / Strawson Peter F. – Oxford : University Press, 2000.
3. Searle J. The Construction of Social Reality / Searle J. – New York : Free Press, 1995. – 256 p.
4. Макушинский А. Современный «образ мира»: действительность / А. Макушинский // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 119-136.
5. Панич О.О. Переосмыслення категорії реальності в європейській модерній філософії / О.О. Панич // Наука. Релігія. Суспільство. – 2010. – № 3. – С. 37-44.
6. Витгенштейн Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 58-66.

О.В. Білокобыльський

Реальність. Її структура та соціальна природа

У статті затверджується фундаментальний статус соціальної діяльності людини у процесах формування реальності. Наводяться засади тези щодо неможливості реальності без соціальної ідентифікації суб'єкта. Вивчаються онтологічні трансформації, пов'язані з віртуалізацією соціальної реальності у ХХІ ст.

A.V. Belokobylskij

Reality. Its Structure and Social Nature

In the article, the fundamental status of social activity of the human being in the processes of reality formation is determined. In particular, there settled the point of inability for reality to exist out of the social identification of a subject. Ontological transformations connected to the virtualization of social reality in the XXI century are researched.

Статья поступила в редакцию 19.09.2011.